

РЕЦЕНЗИИ И ОТЗЫВЫ

А. Ю. Желтов. Языки нигер-конго: структурно-динамическая типология. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2008. 252 с.

Темой рецензируемого сочинения является анализ структурно-типологических особенностей одной из четырех макросемей африканских языков — макросемьи нигер-конго. Автор ставит перед собой задачу подключить исследуемый языковой материал к проблематике общей типологии с целью более глубокого постижения изучаемых языковых процессов. При этом подчеркивается, что целью работы было описание наиболее значимых, с точки зрения автора, особенностей языков, элементов, располагающихся на шкале так называемой «иерархии одушевленности», т. е. главных элементов именных групп (с. 4).

Можно упомянуть также функциональный подход к языковым фактам, которому автор следует на протяжении всего сочинения.

Вопреки сказанному, достойно сожаления, что автор не ставит перед собой более амбициозную и, как доказывает само сочинение, вполне посильную для него цель — в тех случаях, когда это необходимо, привлекать факты языков нигер-конго для коррекции взятого понятийно-терминологического аппарата индоевропеистики. Ведь процесс совершенствования понятий и положений общего теоретического языкознания, имеющих индоевропейское происхождение, давно уже начался, и нет сомнения в том, что восточное языкознание способно вносить весомый вклад в общую теорию грамматики.

Рецензируемое сочинение состоит из девяти глав: 1. Введение; 2. Языки нигер-конго. Внутренняя классификация. Краткий типологический обзор; 3. Именная классификация в нигер-конго; 4. Личные местоимения в нигер-конго в контексте семантической типологии личных местоимений; 5. Элементы грамматики языка гбан: суперфлексивность в аналитическом языке; 6. Языки нигер-конго и типология ролевого маркирования (континентальная типология языков нигер-конго); 7. Не-

которые проблемы типологии посессивности (на материале посессивных конструкций в суахили); 8. Заключение; 9. Библиография, (богатая включающая названия на русском, английском, немецком и французском языках). Имеются также: индекс языков и список условных сокращений.

Достойно сожаления то, что автор ограничился слишком кратким понятийно-терминологическим аппаратом. По причине значительных различий в трактовке важнейших понятий разными лингвистами (таких, например, как: «язык», «природа языковой системы», «актант», «морфема», «парадигматика», «синтагматика» и пр.) отсутствие их экспликации в работе затрудняет понимание изложения читателем. Так, когда автор упоминает «языковые процессы», нелегко догадаться, идет ли речь о какой-либо операции при порождении высказывания или о диахроническом изменении в языковой системе, а термин «динамическая типология» порождает подозрение в том, что в работе понятия «языковая система» и «речь» попросту не разграничиваются. И это подозрение усиливается, когда в работе анализируются синтагматические явления. Кроме того, понятийно-терминологический аппарат должен был бы содержать раскрытие собственно африканистических понятий, таких, как: «внутренняя, или вертикальная морфология», «вершинное», «зависимое» и «нейтральное» маркирование», «типология вершинного» / «зависимого маркирования», «нениминативность», «реляционные имена», «серийные глагольные конструкции», «местоимения порт-манто» и т. д. Необходимо сформулировать для лингвиста, не являющегося африканистом, различие между падежными и количественными формами имен и локативными, сингулярными, плюральными именными классами, имеющими собственные показатели. Многие из применяемых в сочинении терминов и положений отнюдь не принадлежат к общеупотребительным и нуждаются в пояснении. Таковы, например: семантико-прагматическая система координат, субморфный уровень языка, субморфная флексивность и т. п. Нужна специальная подготовка, чтобы понять,

например, такое высказывание: «...в посессивных конструкциях в нигер-конго чаще встречаются случаи зависимого маркирования».

В то же время отрадно отметить, что автор прекрасно владеет глобальной структурной типологией языков братьев Шлегелей и Вильгельма Гумбольдта. Однако возражение Г. П. Мельникова по поводу отнесения к инкорпорирующему типу языков, в которых наличествует прономинальная объектная маркировка в сказуемом, едва ли можно игнорировать, ограничившись декларативным заявлением, что оно будто бы «является слишком произвольным толкованием термина 'инкорпорация'». Дело в том, что Г. П. Мельников выступил с глубокой лингвистической теорией, опрокидывающей многие устоявшиеся лингвистические предположения, его позиции тщательно разработаны, и вопрос об инкорпорации включен в основательно и оригинально обоснованный контекст. С такой легкостью отвергать новое в науке, как это в данном случае сделано автором рецензируемого сочинения, мне представляется весьма рискованным.

Следует приветствовать интерес автора к «объяснительному» направлению в типологии, а также то обстоятельство, что своей задачей он считает не изучение конкретных языковых систем, а анализ максимального разнообразия, которое демонстрирует то или иное языковое средство в разных языках, включая и некоторые европейские.

Метод репрезентативной выборки языков для описания того или иного явления использовался лишь ограниченно. В частности, в целях отработки некоторых методик на конкретном материале использовались преимущественно два языка — суахили (банту, бенуэ-конго) и гбан (манде).

Свое краткое «Введение» (с. 3–10) автор, по-видимому, считает первой главой сочинения (оно вполне могло бы быть названо предисловием), из текста которого становится ясно, что и последующие пронумерованные разделы сам автор воспринимает как главы.

Вторая глава содержит «внутреннюю» типологическую характеристику языковых групп, макросемьи нигер-конго и новейшие данные о генетической классификации, составляющих ее языков. «С точки зрения морфологической типологии, — пишет автор, — языки нигер-конго находятся в диапазоне между доминирующей изоляцией и агглютинацией» (с. 13).

Третья глава целиком посвящена самой броской типологической особенности языков нигер-конго — системе именной классификации. Наиболее ценным в этой главе представляется опыт построения семантических основ типологии объединения имен в классы, поскольку за распределением лексем по классам нельзя не видеть фрагменты картины мира носителей этих языков, и открывается путь

к более глубокому пониманию коммуникативного предназначения этой обширной классифицирующей категории. Здесь нельзя не обратить внимание на то, что сходную проблематику лингвистика имеет в вопросе о частях речи.

Замечу, что автор как нечто само собой разумеющееся принимает тезис, согласно которому отношения между классами лексем носят оппозитивный характер. Тезис о том, что язык представляет собой оппозитивную систему, утвердившийся в индоевропейском языкознании, по-моему, не должен некритически переноситься на материал восточных языков. А если он принимается, то необходимо обоснование этого. Исследования в области теории строя агглютинативных языков, например, убедило специалистов, что следование этому тезису привело к искажению реального положения вещей, к обнаружению у ряда категорий форм с функциональным нулем, что оказалось иллюзией. В первую очередь, надо признать язык естественной системой (Б. С. Серебрянников), а уж затем выяснять какими системологическими свойствами она обладает.

В четвертой главе предпринимается попытка создания системы координат для типологии личных местоимений, демонстрируется разнообразие средств выражения так называемых «*семантико-прагматических признаков*», относящихся к разным уровням языка. Особое внимание справедливо уделяется малоизученному в лингвистике «субморфному» уровню языковых средств, функциональному предназначению случаев их нейтрализации, их влиянию на морфонологические и синтаксические процессы.

В пятой главе читатель знакомится со своеобразной типологической особенностью языка гбан: наличие тоновой и субморфной флективности при высокой степени аморфности этого языка.

В шестой главе языки нигер-конго рассматриваются с точки зрения типологии маркирования семантических ролей. В первом ее разделе на обширном материале рассматриваются грамматические средства, которые могут быть истолкованы как отклонения от номинативного (аккузативного) типа маркировки, и причины таких отклонений. Во втором разделе приводятся разнообразные примеры подобных отклонений.

Предметом исследования в седьмой главе являются средства выражения посессивности в основном на материале языка суахили. Автор разграничивает средства отчуждаемой и неотчуждаемой посессивности, а также отношение к ним автосемантических и служебных («*реляционных*»?) имен. Упомянутые различия воспринимаются автором опять-таки как «*опозиции*».

Особого внимания заслуживают главы третья (с. 35–112) и четвертая (с. 113–162), в которых авто-

ру удается внести важный вклад в теоретическую лингвистику.

В разделах «С чего начинается классификация» (с. 78–84) и «Семантическая типология систем именных классов...» (с. 84–87) предпринимается попытка построить гипотезы (два «логических сценария») о том, как возникают и формируются именные классы. Эта глава представляет собой филигранную разработку теории именных классификаций, выявляются истоки, основы и типы классификаций, качественная или мерная природа классификаторов. При этом ярко показана языковая избирательность, своеобразии отдельных появившихся в поле зрения автора африканских языков. Формулируемые автором идеи выходят далеко за пределы африканского языкознания, захватывая при этом и русистику. Нельзя не отметить также важность разработки проблем грамматикализации, клитизации лексических единиц (с. 90–109).

Не менее важно следует признать начатую К. И. Поздняковым и продолженную в настоящем сочинении разработку концепции так называемых скрытых способов выражения семантико-прагматических средств, функционирующих в сфере личных местоимений, как правило, на субморфном уровне. Здесь читатель узнает много нового о, казалось бы, хорошо известных ему фактах.

Для решения этой задачи был привлечен и тщательно изучен обширный материал: два генетически удаленных друг от друга африканских (изолирующий суахили и агглютинативный гбан), а также 4 европейских языка (английский, немецкий, французский, русский). Раздел 4.1 представляет собой авторское изложение традиционного описания местоимений, в котором делается вывод, что в сфере личных значений (деиксиса) и числа прономинальные системы проявляют универсальный характер. Различаются же системы местоимений значениями: рода / класса, наличия / отсутствия семы вежливости, а также распределением семантики и семантической синкретичности некоторых единиц.

В разделе 4.2 автор делает попытку истолковать традиционные цифровые обозначения местоимений как наборы «семантико-прагматических признаков» (например, английское *she* — 3 лицо ед. ч. жен. (не-локутор, человек, жен.) и т. п.).

Главное, на мой взгляд, содержится в разделах 4.3–4.10, в которых анализируются скрытые и субморфные средства выражения семантики, отличные от средств «открытой» морфологии. Пример из рецензируемой работы: если рассмотреть русские личные местоимения в дательном без предлогов (*ему, ей*), то выявляется семантика одушевленности, отсутствующая в именительном падеже. Почти то же явление наблюдается и во французском языке.

Синтагматическим способом (раздел 4.4) местоимения обнаруживают, по мнению автора, до-

полнительную семантику в высказываниях типа «Я пришла» — «Говорящий-женщина пришла», «Ты — красивый» — «Адресат-мужчина — красивый». Описаны и подобные проявления семантики в других языках (французском, немецком, суахили, английском), а также ситуация в языке гбан. Нельзя не заметить, что в подобных случаях такой способ обнаружения семантики местоимений является синтагматическим, т. е. речевым.

В разделе 4.5 анализируется явление «морфемной нейтрализации», под которой понимается, например, структура семантики немецких личных местоимений *sie* и *Sie*: «...форма *sie* должна интерпретироваться как контекст морфемной нейтрализации, в котором признаки “только адресат, вежл.”, “не-локутор, не мужской” и “не-локуторы” нейтрализуются в парадигме номинатива. С моей точки зрения, более оправданно полагать, что в данном случае следует говорить о трех омонимах, которые в речи подкрепляются контекстом, фоновым знанием, коммуникативной ситуацией и т. п. Ведь декларативное предъявление новой позиции едва ли можно признать достаточно убедительным.

Более убедительной выглядит интерпретация «парадигматической нейтрализации» (раздел 4.5.1): отдельные местоимения в формах косвенных падежей, а также рефлексивные местоимения лишены способности выражать различия по полу, роду, числу; в немецком, например, «парадигматическая нейтрализация» используется для выражения сигнала «не-локуторы» посредством рефлексивных местоимений, а в суахили нейтрализация объектных местоимений выражает признак «говорящий исключен, мн. ч., одуш.» (с. 129).

Синтагматическую нейтрализацию автор видит, например, в таких конструкциях, как русские *я / ты / он пришел*, в которых нейтрализованы различия между говорящим, адресатом и не-локутором (неучастником акта коммуникации).

Как отмечает автор, в центре раздела 4.6. «Субморфная нейтрализация» находятся понятия «субморфа» и «субморфная нейтрализация», которые были введены и разработаны К. И. Поздняковым. Последний в своей статье упоминает имена четырех своих предшественников и их терминологию: «примета» (Р. О. Якобсон), «звуковая метка» (А. А. Реформатский), «носитель функции» (И. А. Мельчук), «субморфный уровень лингвистического описания» (Вяч. Вс. Иванов). В качестве примера приводится подмеченный Р. О. Якобсоном в русском языке в суффиксах дательного, творительного и предложного падежей «общий формальный признак [m]» в формах адъективного склонения мужского рода. Этот признак трактуется как *знак* со значением «периферийность». (Об иконичности знака — лишнее.)

Для разработки учения о субморфах автор воспользовался отнюдь не только африканским

материалом. Детально анализируются личные местоимения вышеназванных европейских языков. В сочинение включен, например, раздел 4.9. «Семантико-прагматические признаки и порядок слов во французских и английских дитранзитивных конструкциях с прономинальными актантами (иерархия одушевленности во французском и английском)», содержащий подразделы с не менее броскими заголовками: «Британский вариант английского языка», «Американский вариант английского языка» и др. Возникает опасение, не станут ли романисты и германисты ревниво обвинять африканиста в том, что он вторгается в чуждые пределы. Для разработки вопроса вполне достаточно использованного в сочинении богатого африканского материала. Автор отмечает даже, что «...если для других языков субморфный уровень играет важную, но все же вспомогательную роль, то в гбан его значение едва ли не превосходит значение собственно морфемного уровня» (с. 139). И далее: «Возможность вывести морфологическую форму всех личных местоимений из субморфных признаков представляется уникальной характеристикой языка гбан, связанной с бедной сегментной морфологией и компенсаторным развитием так называемой «вертикальной (супрагегментной) морфологии». Правда трудно понять, почему автор, прекрасно владеющий фонологией, в заголовке к табл. 1 на с. 138 («Система гласных звуков гбан») использует термин «звук», а не «фонема». Весьма примечательно, что в качестве субморфных носителей значений функционируют и тоны, а также отдельные дифференциальные признаки фонем.

Говоря о русских местоимениях 3-го лица, диссертант разграничивает их «базовые» и «предложные» функции. Это различие проявляется в наличии у местоимения с предлогом начального согласного [н]: *бью её и попал в неё, его жена и ушла от него*.

Автор называет свои выводы предварительными, однако, как представляется, ему удалось доказать, что семантика местоимений не может быть адекватно описана без учета их падежных форм и факторов, функционирующих на субморфном уровне.

Переходя к общей оценке сочинения, необходимо прежде всего признать, что решена одна из основных поставленных автором перед собой задач — подключение материала языковой семьи нигер-конго к проблематике общей типологии и использование идей и методов общей типологии для более глубокого понимания языковых процессов, происходящих в языках этой семьи. Помимо прочего, подтверждением сказанного может служить использование в работе материала фундаментального и не столь уж давно изданного труда Б. Гейне и Т. Кутевой (Heine B., Kuteva T. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge University Press, 2002).

Автор справился с конкретизацией тех аспектов грамматического строя, которые составляют квинтэссенцию данной монографии: описание наиболее значимых типологических особенностей элементов языка, располагающихся на шкале «иерархии одушевленности», т. е. главных элементов именных групп, а также показать способы выражения ими базовых семантических ролей и синтаксических функций. Выявлены также основные параметры языков нигер-конго в контексте наиболее распространенных моделей типологических классификаций. Продолжая усилия И. К. Позднякова по созданию универсальной классификации именных классов, автор предложил свой вариант решения этой задачи.

В работе дана типологическая характеристика различных групп семьи нигер-конго, изучена их наиболее яркая особенность — система именной классификации. Сделан общий обзор существующих в нигер-конго классификационных систем, проведен парадигматический анализ именных классов в суахили, способный служить моделью универсального описания семантики именных классов, определена специфика языков нигер-конго в рамках их типологии, выявлены инновационные элементы в системах именной классификации, предпринята попытка выработать методику их ограничения от остатков протосистемы нигер-конго, установлены факторы их грамматикализации.

Трудно переоценить научное значение описанного выше опыта построения системы координат для типологического описания личных местоимений, учитывающей разнообразие формальных средств выражения их семантики, участие в этом процессе различных уровней языка, а также речи, при особом внимании к «субморфному» уровню и явлениям нейтрализации.

Нельзя оставить без внимания привлечение широкого языкового материала для анализа отклонений от номинативного (аккузативного) типа маркировки в языках нигер-конго и причин, вызывающих такие отклонения.

Данная монография, очевидно, должна рассматриваться как промежуточный этап в осмыслении затронутых в ней проблем. Попытка описать явления языка в их взаимосвязи, конечно, гораздо сложнее, чем изолированное описание отдельных элементов. Вряд ли можно признать, что все аспекты описания, представленные в работе на данном этапе, складываются в целостную, четко структурированную и при этом динамическую систему. Ведь даже попытка охватить все системные связи в случае анализа всего лишь одной подсистемы языка оказывается отнюдь не простым делом.

Несомненно прав автор, считающий, что часто повторяемый в литературе тезис о сложности и многообразии языковых процессов и явлений

обретает бóльшую убедительность, если ему предшествует сложный процесс доведения конкретного языкового материала до уровня широких теоретических обобщений, которые читатель находит в рецензируемом сочинении.

Ряд критических замечаний были сделаны мною выше. Главное возражение рецензента направлено против игнорирования автором различия между языком (языковой системой) и речью, что проявляется в таких, например, высказываниях, как: «Средство, которое может использовать любой язык в силу его *линейности*, — *порядок слов*» (с. 79); в заголовке на с. 138: «Система согласных зву-

ков гбан». Читателю становится ясно, что «парадигматические измерения» (с. 4) и «синтагматические конструкции» имеют место в пределах одного нерасчлененного объекта — *языка*.

В. Г. Гузев

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой тюркской филологии
Восточного факультета
Санкт-Петербургского государственного
университета

Сборник «Востоковедение и Африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. Международная научная конференция. 4–6 апреля 2006 г.: Доклады, материалы». — СПб., 2007.

Сборник включает материалы II Международной конференции «Востоковедение и Африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы», которая проходила в Санкт-Петербургском Государственном Университете 4–6 апреля 2006 г. Конференция была приурочена к знаменательной дате в истории российской науки: 150-летию восточного факультета СПбГУ. Предлагаемый вниманию читателя сборник научных работ по истории и историографии Турции и других стран Востока посвящен памяти выдающегося отечественного востоковеда Анатолия Дмитриевича Желтякова (1925–1989). Это скромный вклад учеников в увековечение памяти своего учителя.

Сборник состоит из двух смысловых частей. Первая часть посвящена жизни и деятельности профессора А. Д. Желтякова, вторая представляет собой статьи его учеников. Сборник также содержит иллюстрации из личного архива А. Д. Желтякова.

В первой части сборника представлены автобиография А. Д. Желтякова и его небольшой очерк «Как я захотел стать востоковедом», записки дочери Анатолия Дмитриевича И. А. Желтяковой, друга семьи Желтяковых Э. Д. Жидолович, а также воспоминания коллег Анатолия Дмитриевича — профессора С. М. Иванова и профессора Л. В. Строевой. Начинается сборник со вступительной статьи заведующего кафедрой истории стран Ближнего Востока профессора Н. Н. Дьякова «К сборнику па-

мяти профессора А. Д. Желтякова». Первую часть сборника завершает список основных печатных работ доктора исторических наук, профессора Анатолия Дмитриевича Желтякова.

Во вторую часть сборника включены статьи Э. Ю. Гасановой, Н. Н. Дьякова, К. А. Жукова, И. В. Зайцева, Е. И. Зеленева, И. В. Зеленовой, Н. Г. Киреева, Р. Г. Ланда, М. С. Мейера, С. Ф. Орешковой, А. Д. Саватеева, Н. А. Самойлова, М. Х. Сванидзе, Н. Ю. Ульченко, А. М. Фарзалиева, Г. С. Харатишвили, Н. Шенгелия и др.

Среди докладов, вошедших в сборник, многие посвящены современным проблемам историографии стран Азии и Африки. Доклад Е. И. Зеленева «Региональный фактор и цивилизационные процессы в афро-азиатском ареале» посвящен регионально-цивилизационной парадигме научного исторического знания. Автор утверждает, что она не является универсальной альтернативой всему предыдущему методологическому опыту человечества. Однако разработка этого метода с учетом опыта не только европейских и североамериканских коллег, но и исторических школ азиатского и африканского ареала, актуальная, первостепенная задача мировой исторической науки. Н. А. Самойлов в докладе «К вопросу о теоретических основах изучения социокультурного взаимодействия» сообщает, что выявление и вычленение различных черт и аспектов социокультурного взаимодействия позволяет понять и объяснить многие явления как в сфере международных отношений, так и в области внутреннего развития социумов. Они позволяют систематизировать и типологизировать отношения между различными странами и народами как в прошлом, так и в настоящем. Доклады иностранных исследователей Холгера Дауна и Волкана